

А. А. Федотов

Доктор исторических наук,
профессор Ивановского филиала
НОУ ВПО «Институт управления»

Научно-фантастический ад. Некоторые аспекты творчества Герберта Уэллса

В статье прослеживается, как книги одного из самых знаменитых писателей-фантастов стали культурологическим отражением того, как вера во всемогущество человеческого разума и благотворность плодов научно-технического прогресса, в связь нравственности и интеллекта, присущая 19 веку, исчезает в реалиях жестокого 20 века, ставшего самым кровавым в истории человечества.

Ключевые слова: фантаст, Герберт Уэллс, цивилизация, мир, империализм, религия, ад.

Герберт Уэллс (1866-1946), наверное, самый знаменитый из английских писателей-фантастов. Его книги — отражение того, как вера во всемогущество человеческого разума и благотворность плодов научно-технического прогресса, в связь нравственности и интеллекта, присущая 19 веку, исчезает в реалиях жестокого 20 века, ставшего самым кровавым в истории человечества.

Будущие судьбы рода людского видятся писателю мрачными. В «Машине времени» он описывает будущее человечества, выродившегося в элоев и пожирающих их, и в то же время обеспечивающих их жизнь, как обеспечивают домашний скот морлоках: «Мне стало горько при мысли, как кратковременно было торжество человеческого разума, который сам совершил самоубийство. Люди упорно стремились к благосостоянию и довольству, к тому общественному строю, лозунгом которого была обеспеченность и неизменность; и они достигли цели, к которой стремились, только чтобы придти к такому концу»[6; 129]. В эпилоге этого произведения, написанного в 1895 году, автор описывает отношение того, от лица кого ведется повест-

ование и путешественника во времени к тем достижениям человеческого разума, которыми так гордился 19 век: «Я лично не могу поверить, чтобы наш век только начавшихся исследований, бессвязных теорий и всеобщего разногласия по основным вопросам науки и жизни был кульминационным пунктом развития человечества! Так по крайней мере думаю я. Что касается до него, то он держался иного мнения. Мы не раз спорили с ним об этом задолго до того, как была сделана Машина Времени, и он всегда мрачно относился к Прогрессу Человечества. Развивающаяся цивилизация представлялась ему в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей»[6; 142].

Уэллс описывает с одной стороны могущество знания, которое становится доступным благодаря развитию науки, но как честный художник, он не скрывает и горькие плоды действий ученых, посчитавших, что им все дозволено.

В «Острове доктора Моро» писатель показывает ученого, который посвятил десятилетия на то, чтобы путем операций делать из животных людей. И вот как сам

доктор Моро оценивает итоги своего труда: «Человеческий облик я придаю животному почти без труда, я умею наделить его гибкостью и грациозностью или огромными размерами и силой, но все же и теперь у меня часто бывают затруднения с руками и когтями: они такие тонкие и чувствительные, что я не решаюсь свободно изменять их форму. Но главная трудность заключается в изменении формы мозга. Умственное развитие этих созданий бывает иногда непостижимо низким, со странными провалами. И совсем не дается мне нечто, что я не могу найти, нечто лежащее в самой основе эмоций. Все стремления, инстинкты, желания, вредные для человечества, вдруг прорываются и захлестывают мое создание злобой, ненавистью или страхом. Вам эти твари кажутся отталкивающими с первого взгляда, мне же после того, как я их окончу, они представляются бесспорно человеческими существами. И только после того, как я понаблюдаю за ними, уверенность эта исчезает. Обнаруживается сначала одна звериная черта, потом другая... Но я еще надеюсь победить. Всякий раз, когда я погружаю это существо в купель жгучего страдания, я говорю себе: на это раз я выжгу из него все звериное, я сделаю разумное существо <...> А все же они возвращаются к своему первоначальному состоянию. Как только я оставляю их, зверь начинает выползать, проявляться...» [8; 212].

Но разве сами ученые всегда ведут себя нравственнее, чем эти несчастные звери, изуродованные опытами доктора Моро, который при всем его интеллекте проявляет к тем, кто для него лишь объекты для эксперимента большую жестокость, чем имеют они, которых Моро в ней обвиняет?

Талантливый физик Гриффин, став человеком-невидимкой, хочет использовать свое изобретение для того, чтобы «не бессмысленно убивать, а разумно отнимать жизнь. Дело обстоит следующим образом: они знают, что существует Невидимка не хуже нас с вами. И этот Невидимка, Кемп, должен установить царство террора. Вы изумлены, конечно. Но я говорю не шутя: царство террора. Невидимка должен захватить какой-нибудь городок, хотя бы этот ваш Бэрдок, терроризировать население и

подчинить своей воле всех и каждого. Он издает свои приказы. Осуществить это можно тысячью способов, скажем, подсовывать под двери листки бумаги. И кто дерзнет его послушаться, будет убит, также как и его заступники» [10; 378-379].

Фантазии Уэллса о вземных цивилизациях порой оборачиваются пророческим предвидением империалистической мировой войны; страшные прозрения писателя были воплощены людьми без всяких марсиан.

В «Войне миров» (1898) Уэллс описывает ужасы марсианского нашествия, но разве они большие, чем те, которые менее чем через двадцать лет после написания романа принесла Первая мировая война? «Даже треск пожара показался мне приятным. Еще дальше, около Бромптона, на улицах опять мертвая тишина. Здесь я вновь увидел черную пыль на улицах и мертвые тела. Всего на протяжении Фулхем-роуд я насчитал около двенадцати трупов. Они были полусасыпаны черной пылью, лежали, очевидно, много дней; я торопливо обходил их. Некоторые были обглоданы собаками. Там, где не было черной пыли, город имел совершенно такой же вид, как в обычное воскресенье: магазины закрыты, дома заперты, шторы спущены, тихо и пустынно» [3; 142]. А разве ощущения пережившего марсианское нашествие не схожи с ощущениями человека, пережившего большую войну? «Ночью мне снится черная пыль, покрывающая безмолвные улицы, и исковерканные трупы в черном саване; они поднимаются, страшные, обглоданные собаками. Они что-то бормочут, беснуются, тускнеют, расплываются — искаженные подобию людей, и я просыпаюсь в холодном поту во мраке ночи. Если я еду в Лондон и вижу оживленную толпу на Флит-стрит и Стрэнде, мне приходит в голову, что это лишь призраки минувшего,двигающиеся по улицам, которые я видел такими безлюдными и тихими; что это лишь тени мертвого города, мнимая жизнь в гальванизированном трупе» [3; 157].

Таким был мир мрачных фантазий Уэллса. А каким он видел реальный мир, который строился в соответствии с тем, что

ему казалось закономерным? В своей книге «Россия во мгле», задуманной в целом, как апология Советской России, Герберт Уэллс так характеризовал то, что увидел в ней в 1920 году: «Основное наше впечатление от положения в России – это картина колоссального непоправимого краха. Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию»[9; 316].

Уэллс понимал, что все эти страдания и катастрофы оставляют абсолютно равнодушными большинство из тех, кого не касаются непосредственно. «Игрок в крокет» заканчивается следующим показательным диалогом:

«- Но что значит крокет, - крикнул Нобрет нетерпеливо, - когда мир рушится у вас на глазах?

Он сделал такое движение, словно собирался преградить мне путь. Ему хотелось продолжить свои апокалиптические пророчества. Но я был сыт ими по горло.

Я посмотрел ему в глаза твердым, спокойным взглядом и сказал:

- А мне наплевать! Пусть мир провалится. Пусть возвращается каменный век. Пусть это будет, как вы говорите, закатом цивилизации. Очень жаль, но сегодня утром я ничем не могу помочь. У меня другие дела. Что бы там ни было, но в половине первого я, хоть тресни, должен играть с тетушкой в крокет!»[5; 526].

Однако это мир жути не мог удовлетворить душу писателя, которая искала что-то светлое.

В своем написанном в 1911 году рассказе «Дверь в стене» он так описывал чудесный край, открывшийся его герою в детстве, в который тот попал случайно, зайдя в волшебную дверь: «В самом воздухе было что-то пьянящее, что давало ощущение легкости, довольства и счастья. Все кругом блистало чистыми, чудесными, нежно светящимися красками. Очувтившись в саду испытываешь острую радость, которая бывает у человека только в редкие ми-

нуты, когда он молод, весел и счастлив в этом мире. Там все было прекрасно...»[4; 358]. Но пребывание в чудном мире не было долгим: «Я был маленьким жалким созданием! И снова вернулся в этот жестокий мир!»[4; 362]. На протяжении жизни герой мечтает о возвращении в сказочную страну. И на протяжении жизни чудесная дверь, ведущая в нее, вновь появляется перед ним несколько раз. Но каждый раз у него находятся более важные дела, которые не дают пойти за мечтой. Первый раз это было в школьные годы: «в голове вертелась лишь одна мысль: вовремя поспеть в школу, – ведь я оберегал свою репутацию примерного ученика. У меня, вероятно, тогда явилось желание хотя бы приоткрыть эту дверь. Иначе и не могло быть... Но я так боялся опоздать в школу, что быстро одолел это искушение»[4; 364]. В следующий раз дверь появляется перед ним в преддверии поступления в университет. После некоторых колебаний герой проезжает мимо нее на экипаже: «Если бы я остановил извозчика, – размышлял я, – то не сдал бы экзамена, не был бы принят в Оксфорд и наверняка испортил бы предстоящую мне карьеру». Я стал лучше разбираться в жизни. Этот случай заставил меня глубоко задуматься, но все же я не сомневался, что будущая моя карьера стоила такой жертвы»[4; 368]. Годы шли, карьера становилась все важнее для героя. Еще раз дверь является ему, когда он шел на свидание, к той, к которой его влекла не любовь, а амбиции: «В глубине души я был уверен, что она распахнется для меня, но тут я подумал, что ведь это может меня задержать, я опоздаю на свидание, а ведь дело идет о моем самолюбии» [4; 369].

Еще трижды герой проходит мимо двери на взлете своей политической карьеры, все более сожалея об этом: «За последние два месяца я почти не работаю, буквально через силу выполняю самые неотложные свои обязанности. Я не нахожу себе места. Меня томит глубокая, безысходная печаль. По ночам, когда меньше риска с кем-нибудь встретиться, я отправляюсь бродить по городу. Да, любопытно, что подумают люди, если вдруг узнают, что будущий министр бредет в темноте

один-одинешенек, чуть ли не вслух оплакивая какую-то дверь, какой-то сад...»[4; 372].

Внешняя судьба героя, когда он решился, наконец, войти в волшебную дверь, выглядела весьма непривлекательной: «Его тело нашли рано утром в глубокой яме, близ Восточно-Кенсингтонского вокзала. Это была одна из двух траншей, вырытых в связи с расширением железнодорожной линии на юг. Для безопасности проходящих по шоссе людей траншеи были обнесены сколоченным наспех забором, где был прорезан небольшой дверной проем, куда проходили рабочие. По недосмотру одного из десятников дверь оказалась незапертой, и вот в нее-то и прошел Уоллес»[4; 372-373]. Но интересен вывод, который делает сам Уэллс: «Все вокруг кажется нам таким простым и обыкновенным, мы видим только ограду и за ней траншею. В свете наших обыденных представлений нам, заурядным людям, кажется, что Уоллес безрассудно пошел в таивший опасности мрак, навстречу своей гибели. Но кто знает, что ему открылось?»[4; 373].

И в написанном четверть века спустя, в 1935 году сценарии «Облик грядущего» Уэллс в итоговом диалоге героев остро ставит вопрос о смысле человеческого бытия в обезбоженном мире, о том, что сколько бы человек не достиг, этого будет мало его душе, пока человек остается человеком:

«Кэбел. Каждый человек находит покой. Его слишком много, и наступает он слишком рано, и мы называем его смертью. Но для ЧЕЛОВЕКА нет отдыха и нет конца. Он должен идти вперед — от победы к победе. Познать нашу маленькую планету, и ее пути, и ветры, и все законы духа и материи, которые стесняют его. Потом полет на планеты, окружающие его и наконец в бесконечное мировое пространство, к звездам. И когда он наконец покорит все пучины пространства и все тайны времени, он все еще будет у начала»[7; 513-514].

Мысли о религии посещают Уэллса. В написанном в 1933 году «Бэлпингтоне Блэпском» он описывает мысли измученного жизнью героя в Вестминстерском соборе: «Он размышлял о своем положении. Война, любовь, искусство — Бэлпингтон

Блэпский изведаль все, но что он ни пробовал, что он ни делал, душа его не обрела покоя. Жестокость мужчин, черствость женщин, зло неодожденной жизни разрушили его благородные надежды и высокие стремления. Но здесь, несомненно, было нечто более глубокое и долговечное»[2; 31].

И.Б. Кригер, в своей защищенной в 2005 году диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук «Философия Герберта Уэллса» приводит некоторые мысли писателя, которые были не известны в России массовому читателю, и вместе с тем необходимы для понимания его мировоззрения. «Уэллс говорил о том, что не может доказать существование свободы воли, но может верить в истинность этого утверждения: «Для того, чтобы урегулировать и определить свою жизнь, которая иначе остается бесцельной и неудовлетворительной, я утверждаю, что непостижимая до конца Вселенная вокруг меня представляет собой систему, а не хаос и что я, моя воля и принимаемые мной решения, и тому подобные вещи важны для этой системы»[1]. Интересен и еще один момент, на котором заострил внимание И.Б. Кригер: «Уэллс работал над учреждением «всемирного мозгового центра» для обслуживания «мировой энциклопедии». Он говорил о том, что человечество должно «иметь доступ в мировом масштабе ко всему объему знаний и идей, которыми оно когда-либо располагало <...> Постоянно обновляемая, модернизируемая всеобщая энциклопедия становится основой системы образования в мировой общине». Уэллс, разумеется, не мог знать о том, что спустя несколько десятилетий планету опутает Всемирная паутина. Интернет станет аналогом «мировой энциклопедии» Уэллса»[1].

Писатель всматривался в глобальный мир сформировавшегося империализма нового типа, в котором он жил, и мир этот не вселял радужных надежд. В каких-то из своих прозрений Герберт Уэллс достаточно близко подходил к христианскому взгляду на мир, но писатель его не принял. И прекрасно описанному научно-фантастическому аду смог противопоставить только смут-

ную надежду на прекрасный мир за дверью в стене. А вот вера в свободу воли человека и его возможность силой своих поступков менять мир вокруг нашла в его произведениях гораздо меньшее отражение.

Библиографический список:

1. Кригер И.Б. Философия Герберта Уэллса. Автореферат дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005
<http://cheloveknauka.com/filosofiya-gerberta-uellsa#ixzz3JFm6hHEh> (дата обращения 10.09.2014 года)
2. Уэллс Г. Бэлпингтон Блэпский // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13. М., 1964.
3. Уэллс Г. Война миров // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 2. М., 1964.
4. Уэллс Г. Дверь в стене // Собр. соч. в 15 томах. Т. 6. М., 1964.
5. Уэллс Г. Игрок в крокет // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 12. М., 1964.
6. Уэллс Г. Машина времени // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964
7. Уэллс Г. Облик грядущего // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 13. М., 1964.
8. Уэллс Г. Остров доктора Моро // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964.
9. Уэллс Г. Россия во мгле // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 15. М., 1964.
10. Уэллс Г. Человек — невидимка // Г. Уэллс . Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 1. М., 1964.